

Глава 18. Предвестье битвы

Едва стихли слова, как в строй встало не больше дюжины человек.

Среди них были Сюй Чжи и Цзя Синь, но, к удивлению, к ним присоединился и тот рыжебородый детина, что поначалу громче всех кричал о желании примкнуть к силянцам, — Нью Цзинь.

Он шагал третьим в строю, и следовавший за ним Сюй Чжи невольно бросил на него долгий взгляд.

Заметив это, Нью Цзинь обернулся и свирепо на него посмотрел. Его рыжая борода топорщилась от горячего дыхания.

— Что, не слыхал поговорки: «Мудрый меняется со временем, а знающий приспосабливается к обстоятельствам»?

Сюй Чжи проигнорировал его и, придвинувшись к Цзя Синю, прошептал:

— Худощавый, тут мясные мухи летают, давай отойдём подальше.

— Ты!

Кроме этих немногих смельчаков, остальные пребывали в нерешительности.

Конечно, вступая в ряды новобранцев, они готовились к смерти, но когда опасность оказалась так близка, большинство подчинилось инстинкту самосохранения, не желая ввязываться в кровавую бойню.

Более того, жестокость воинов Силяна прочно засела в их сознании. Даже тот факт, что им только что удалось одолеть численным превосходством дюжину врагов, не мог развеять страх, сковавший большинство сердец.

Ведь даже в том бою, где их было гораздо больше, свыше трёхсот человек так и не покинули своих палаток, не осмелившись присоединиться к сражению.

За отведённые сто вдохов-выдохов из толпы вышло всего семьдесят человек, присоединившись к авангарду.

Гу Чжи терпеливо сидел на коне, глядя на оставшихся людей.

— Время поджигает. Я считаю до тридцати. Те, кто не встанет в строй, будут считаться отказавшимися.

Не дожидаясь их реакции, он начал счёт:

— Один, два...

— Подождите, — не выдержал один из солдат под нарастающим давлением. — А что, если войско Цао уже почти полностью вырезано силянцами?

Даже если бы отряд господина не понёс потерь, их объединённые силы — кланы Цао и Сяхоу, плюс они сами — насчитывали бы не более восьмисот человек. А силянская армия, вместе с перебежчиками, значительно превосходила тысячу.

Разница в численности и так была огромной, но ещё большее беспокойство вызывала полная неизвестность о положении дел в городе.

Что, если отряд Цао полностью уничтожен? Что, если сам Цао Цао мёртв? Что, если все солдаты в городе перешли на сторону врага?

Всё было покрыто туманом неизвестности, а им, нескольким сотням новобранцев с примитивным вооружением, предстояло войти в город. Это было равносильно самоубийству.

Рекруты устремили взгляды на Гу Чжи, словно ожидая от него объяснений или вдохновляющих слов.

Он знал, чего они хотели услышать, но у него не было привычки раздавать пустые обещания. Юноша не хотел, чтобы они, обманутые ложной надеждой, забыли о страхе и бездумно расстались с жизнью.

— Такой исход вполне возможен, — его брови опустились, а ровный, бесстрастный голос прозвучал почти жестоко. — Это не просто авантюра, это игра со смертью. Решившись войти, нужно быть готовым к худшему.

— Тогда почему... почему нам не пойти в Чэньлю или Дунцзюнь? — выступил вперёд другой новобранец. — В Поднебесной хаос, все князья набирают войска. Мы молодые и сильные, где угодно найдём себе пропитание.

Эти слова, словно искра в сухом поле, воспламенили толпу.

Командир наблюдал за их колебаниями с полным безразличием.

— Это тоже ваш выбор.

Что до последствий, он всё объяснил с самого начала.

Не только оставшиеся, но даже часть тех, кто уже стоял у ворот лагеря, начали сомневаться.

— Пока я не досчитал до тридцати, каждый волен уйти.

— Три, четыре, пять...

Сначала никто не двинулся, но с каждой секундой обратного отсчёта всё больше людей резко разворачивалось и бежало прочь.

Они выбирали не те ворота, у которых собирался отряд, а дальние, задние.

Они выбрали бегство.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Всё больше солдат обращалось в бегство. Среди них было даже с десятков тех, кто недавно присоединился к «добровольцам».

Но были и те, кто, наоборот, быстрыми шагами направился к переднему въезду, вливаясь в ряды штурмового отряда.

На широком поле люди металась туда-сюда, пока наконец не осталось лишь около сотни человек.

Эта сотня не желала ни присоединиться к штурму, ни уходить.

Гу Чжи не стал задерживать на них взгляд и направил коня к авангарду.

Сюй Чжи, только что закончивший пересчёт, увидел командира и тут же сложил руки в приветствии:

— Генерал, включая меня, сто девяносто девять человек.

Из четырёхсот сорока семи новобранцев более сотни сбежало, ещё столько же отступило, и лишь сто девяносто девять человек вызвались войти в город.

— Те, кто умеет ездить верхом, — за мной, — приказал Гу Чжи, и тотчас из строя вышло более десяти человек.

— Те, кто обучался боевым искусствам и имеет навыки, — налево.

Вышло ещё полсотни, встав плечом к плечу.

— Раненые в прошлой битве, — направо...

За несколько фраз сто девяносто девять солдат были перестроены.

Гу Чжи приказал каждой из четырёх колонн расчитаться, а затем, по чётным и нечётным номерам, разделил каждую группу ещё на две.

Так почти две сотни человек были разделены на восемь отрядов разной численности.

В самом маленьком было восемь человек, в самом большом — более шестидесяти.

— Теперь слушайте внимательно каждое моё слово.

Юноша выпрямился в седле. Прежняя расслабленность, окружавшая его, мгновенно исчезла, сменившись остротой обнажённого клинка.

Куда бы ни падал его взгляд, никто не смел отвлечься.

— Если не запомните, в решающий миг вас никто не спасёт.

— Есть!

— Первое: запомните номера своих отрядов...

В городе облачённый в чешуйчатую броню силянский военачальник смотрел на далёкое

зареву, и его лицо исказила гримаса ярости.

Он резко обернулся и схватил за шиворот стоявшего позади солдата.

— Кто приказал вам поджигать раньше времени? Если вы спугнули зверя или, хуже того, сожгли этого Цао Цао дотла, все мои полумесячные приготовления пойдут прахом!

Солдат отчаянно затрясся, пытаясь оправдаться:

— Я не приказывал поджигать... Это... возможно, те «предатели» самовольно действовали по своему усмотрению.

— Хмф! — Тянь Сюн с силой оттолкнул его, швырнув на землю, словно грязную тряпку.

— Генерал Тянь, успокойтесь, — с улыбкой вмешался мужчина в коротких доспехах отряда Цао. Он, казалось, ничуть не боялся свирепого вида военачальника. — Большинство верных Цао военачальников сразила кишечная хворь. Даже если они не умерли, то сопротивляться уже не в силах. Нас много, мы расставили людей по всем направлениям. Какие бы уловки ни придумали Цао Цао и его сын, сегодня им не уйти.

— Легко говорить, — гнев предводителя немного утих, но он всё ещё был крайне недоволен. — Мы до сих пор даже тени Цао Мэндэ и его сына не видели. Если они и вправду сгорели дотла, с чем я явлюсь к полковнику Ли Цзюэ за наградой?

— Не беспокойтесь, генерал Тянь. Даже если Цао Цао обратился в пепел, ничего страшного. У него много жён и сыновей, кто-нибудь да уцелел. Возьмёте парочку, чтобы Ли Цзюэ мог выместить на них свой гнев, и он, я думаю, не станет придираться к таким мелочам.

Эти слова не слишком утешили Тянь Сюна, а скорее, разозлили его ещё больше.

Но он понимал, что и для ориентирования в городе, и в предстоящем бою ему придётся полагаться на этого человека.

— Господин Фан, прошу, ведите дальше.

Этого человека звали Фан У. Он был одним из воинов клана Цао и служил в звании командира пятёрки.

Вместе с десятью другими младшими офицерами он предал своего господина, впуслав волков в овчарню, и склонил на свою сторону ещё девяносто пять старых воинов.

Новобранцы за стенами города думали, что ведут ожесточённый бой с армией Силяна, и никто не знал, что половина старого отряда уже совершила предательство, а те, кто остался верен, страдают от кишечной хвори и давно потеряли боеспособность.

То, что рекруты считали победой меньшинства над большинством, на самом деле было избиением слабых сильными.

Даже имея абсолютное преимущество, силянцы прибегли к подлым методам, чтобы загнать Цао Цао в угол.

Казалось, победа в сегодняшней битве была у них в кармане, но генерал Тянь всё равно чувствовал беспокойство.

— Я слышал, у Цао Цао есть два двоюродных брата, Цао Жэнь и Цао Хун, оба отправились на восток набирать войска. Что, если они вернуться именно сейчас, да ещё и с большой армией...

Многословие и мнительность генерала начинали раздражать Фан У.

Мужчина мысленно проклял его бесчисленное количество раз, но вслух терпеливо успокоил:

— Цао Жэнь и Цао Хун всё это время были в округе Хэней и только полмесяца назад отправились набирать войска. Набор рекрутов — дело нелёгкое. К тому же дорога туда и обратно займёт не меньше месяца-двух. Они никак не успеют вернуться. Генерал Тянь, можете быть спокойны.

Только тогда тот унял свою тревогу.

Фан У в душе уже успел презрительно оценить этого военачальника. С такой трусостью он не справится, даже если поднести ему победу на блюдечке.

Если бы не этот трусливый Тянь, который всё тянул с планом, дожидаясь подкрепления и болезни в стане врага, они бы давно захватили уезд Вэнь. И уж точно их не застали бы врасплох люди из клана Сюнь во время попытки отравить колодцы.

При мысли о погибшем Цянь Сы, Фан У преисполнился презрения к своему союзнику. Глупый и безвольный, неудивительно, что за столько лет он так и остался всего лишь сотником.

Предатель вдоволь наругался про себя, но почему-то его правое веко тоже начало подёргиваться.

«Не может быть... Преимущество на нашей стороне, тот невероятно сильный Гу Чжи сбежал, а у Цао Цао почти не осталось людей»

«Даже если новость о том, что отряд Цао сразила кишечная хворь, была ложью, оставшихся людей у Цао Цао и Сяхоу Дуня было вчетверо меньше, чем у нас. Как ни крути, у них не было шансов на победу. А что до тех нескольких сотен новобранцев за стенами, запуганных до смерти, то они и вовсе не представляют угрозы. Даже если бы они внезапно решились умереть за господина, эти необученные слабаки не смогли бы переломить ход битвы»

Так что же его так беспокоило?

Когда они уже подходили к резиденции Цао, яркая вспышка озарила его сознание вместе с ослепительным светом пламени.

«Постойте-ка, сколько новобранцев Цао Цао набрал за пределами города?»

Он не спрашивал и не проверял, но смутно помнил, что их было не меньше тысячи трёхсот... а то и больше.

Но после того, как они переманили на свою сторону более пятисот новобранцев, оставшихся в лагере оказалось даже меньше, чем перебежчиков.

«Тех робких, тощих и нерешительных, кого мы сочли бесполезными и оставили в лагере, — их точно не было пятисот. Так куда же делись остальные несколько сотен солдат?»

Фан У внезапно почувствовал, как по его спине пробежал холодок, словно ледяной поток хлынул от пяток до самой макушки.

«Стоять!..»

Он не успел выкрикнуть приказ, как до слуха донёлся свист множества летящих предметов.

Из руин на них обрушился ливень стрел.

<http://bllate.org/book/15998/1501215>